

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

— Ты сегодня странная какая-то. Что-то случилось, малыш?

Она не стала просить не называть ее «малыш», не было сил сопротивляться.

— У сестры проблемы, Антош. Наверное, придется поехать в Межотне.

— Какие проблемы? У нее же всегда все нормально было?

У сестры уже давно все было как раз не нормально. Лига иногда рассказывала о проблемах в семье Инты, и Антон не мог этого не помнить. Почему же именно сегодня, когда ей так нужно с ним поделиться, он решил сделать вид, что ни сном ни духом?

— Межотне... Межотне... Они же в Риге жили?

Лига промолчала. Про переезд в Межотне она тоже говорила, и не так давно.

— А... вот она где!

Антон вынырнул из-под стола с папкой в руке.

— Застряла. Я думал уже, что забыл на кафедре. Представляешь, если бы не нашлась? Пришлось бы заново все собирать.

Он мельком посмотрел на Лигу:

— Ну и что тебе там делать?

Лига открыла рот, но Антон вдруг вытаращил глаза:

— Межотне... Это же... Точно! Там была вотчина Бирона! Помнишь? Фаворита старушки Анны Иоанновны, императрицы Российской! Межотне... Мезоттен... Ну, конечно! Рундальское поместье Бирона!

Антон взъерошил волосы и стал похож на воробья.

— Черт! Я еще студентом истфака хотел побывать в тех местах! Но как раз начались всякие терки политические с Латвией, все и заглохло. Эрнст Иоганн Бирон — это же знаковая фигура! Потом поместье было кому-то подарено... Не помню точно... При Павле Первом, кажется... Да фиг с ним, с Павлом! Бироновщина — дивное времечко!

Лига вздохнула и поплелась на кухню.

— Ты так и не сказала, зачем и насколько туда едешь.

Антон пошел за ней и встал в дверях с почти обиженным видом. Как будто она собралась на экскурсию, а его с собой не пригласила. Лига нажала кнопку на чайнике. Тот сразу усердно загудел. Интересно, кофе еще остался? Хотя бы

растворимый. Она потрясла банку. Пусто. Ну почему Антон никогда не заходит в магазин по пути! Ведь знает, что она три дня безвылазно просидела дома, проверяя студенческие курсовые.

— Кстати, кофе вчера закончился. Я хотел купить и забыл. Все думал, зачем меня Крохин вызывает! Да еще не сразу, а в конце недели! У самого дома спохватился, но возвращаться уже далеко было. Ты не сердисься?

Лига пожала плечами. Разве она умеет сердиться? Антон подошел и чмокнул ее в шею.

— И вообще, надо поменьше пить кофе. Лучше завари чаю. Давно я чаю с медом не пил.

— Чай тоже закончился. Позавчера. И мед.

Тут она обнаружила пакетик с кофе — три в одном. Гадость страшная, но уже не важно. Кофе хотелось просто невыносимо!

Чайник выключился. Лига высыпала порошок в кружку и налила кипятку.

— Ммм...

Антон потянул носом и заглянул через плечо. Сейчас попросит поделиться и отольет себе три четверти. Обычно Лига не сопротивлялась, но не сегодня. Сегодня ей так тошно, что просто необходима хотя бы толика радости. Пусть и в виде пакетика кофе «три в одном».

Внутренне удивившись самой себе, Лига довольно ловко пронесла кружку мимо мужа и пошла в комнату, прихватив по пути горсть сухпек. С самого утра она не могла окончательно

решить, стоит ли ей ехать в Латвию, хотя была уверена, что она нужна Инте, как никогда. Конечно, уехать перед самой сессией — это свинство по отношению к коллегам. Потом полгода будут губы дуть. К тому же у Антона сейчас большая нагрузка. Ну как его одного оставить? Помрет от недоедания и обезвоживания. Он сам даже яичницу не пожарит.

Лига задумчиво отпила из кружки. Не такой уж плохой кофе, кстати!

— Я не понял, малыш, ты что, все решила без меня?

Антон встал в проеме двери и засунул руки в карманы штанов. Так он делал всегда, когда хотел продемонстрировать крайнюю степень возмущения попытками ограничить его свободу или манипулировать чувствами. В сочетании с растянутыми домашними трениками возмущение выглядело комично. Лига посмотрела на сразу ставшее обиженным лицо мужа. Она как раз ничего не решила и весь день мучилась, к тому же...

— Да. Я поеду.

Сказала она и удивилась, насколько уверенно это прозвучало.

Антон помолчал, покачиваясь с носков на пятки. Кулаки в карманах треников сжались.

— Так. Отлично. Раз тебе на все наплевать...

Ей не было на все наплевать, конечно же. Оставить Антона одного, да еще неизвестно на-

сколько, и жалко, и стыдно как-то. Жена обязана думать о муже и его благополучии, в этом она была уверена. К тому же ехать вообще не хочется — стоит признаться хотя бы самой себе. Ну что ее там ждет? Проблемы сестры она чужими не считала и была готова подставить плечо в любой момент. Но... То, что происходит сейчас в жизни Инты, слишком серьезно. Если помогать по-настоящему, то надо пожить с ней не две недели в качестве гостя, а... Сколько? Сможет ли она позволить себе уехать надолго? Глупый вопрос, вообще-то: конечно, нет. Стоит ли тогда начинать? К тому же чем она может помочь женщине, которую бросил муж? Подставить жилетку для слез — это всегда пожалуйста. В этом Лига специалист. А что еще? На психоаналитика она не тянет, собственного опыта тоже с гулькин нос.

Сестра всегда считала ее мямлей. Друг Мишка называл инфузорией-туфелькой, а в минуту крайней злости — амебой аморфной. Честно говоря, Лига и сама думала о себе примерно так же. Вряд ли совет амебы может помочь в такой ситуации. Развод — дело тонкое и энергозатратное. Здесь нужны недюжинная выдержка и стальные нервы. Хотя с чего она взяла, что Инта собралась разводиться? Такие, как ее сестра, сразу не сдаются. Наверняка сделает все, чтобы вернуть засранца Эдгарса в семью. Тогда тем более Лиге нечем помочь. Сама она в такой ситу-

ации не была и наверняка не будет. Не с Антошей. Он не такой. Но бросить Инту в сложный момент нельзя. Сколько ни злись, ни сопротивляйся, а ехать придется. Надо. Больше некому. Остались бы живы родители, можно было бы рассчитывать на них. Особенно на папу. Вот кто всегда находил нужное слово, верное решение, правильный жест. А что Лига? Мямля, она и в Африке — мямля. Пореветь вместе, покуситься, выпить по рюмочке горькой — и все.

Звонок сотового прервал унылые мысли.

— Белка, ты свинья! — торжественно заявили из трубки. — Куда ты, курица общипанная, ехать собралась?

Лига вздохнула. Сейчас начнется ураган страстей. Мишка Абрамсон по-другому не может. Вот дал же бог темперамент!

— Нет, ты скажи, овца бестолковая, как ты вообще додумалась свалить перед самой страдой? Кого я буду в комиссии пихать? Кого, скажи, коала носатая?

Мишка обожал зоологические обзывалки и страшно гордился их неисчерпаемым многообразием.

— Миш...

— Молчи! Не смей со мной говорить! Сдавай чертов билет и возвращайся на свой шесток, сверчок ты безголовый! Или ты мне, канарейка тощая, больше не друг!

— А враг?

— Хуже! Не друг и не враг! А так!

— А так?! Нет, Миш, этого я не вынесу!

В трубке довольно хрюкнули.

— Ну то-то же! Так что, в приказ тебя вставлять?

Лига с тоской поглядела в окно. Белые ночи в Питере только начинались. Впереди все самое лучшее. И пусть погулять по городу из-за сессии ей не удастся никогда, зато не страшно идти домой одной, даже если ушла из университета в десять вечера. Как не хочется уезжать...

— Нет, Миш, не вставлять. У меня в семье проблемы. Придется ехать в Латвию.

— Умер кто-то, что ли? — осведомился Мишка.

— Нет. Сестра... Короче, ее бросил муж. Она осталась с двумя детьми. Без работы и без денег.

— По судам затаскать мерзавца! Ободрать, как сидорову козу! Тьфу! Как липку! Сгноить в тюрьме! Добиться высшей меры! Расстрелять за первым углом без права переписки!

Лига прыснула. Вот кого надо посылать сестре на выручку! Мишка! Друг верный!

— Мишунь, ну прости ты меня, а? Я отработаю, честное пионерское! Вернусь и отработаю!

— А когда вернешься-то?

Хотелось бы знать!

— Постараюсь побыстрее! Буду изо всех сил стараться! — вдохновенно воскликнула Лига.

Мишка Абрамсон длинно вздохнул:

— Да уж... Свежо предание, а верится с трудом...

— Миш, я правда постараюсь. Ты только не сердись на меня. Мне и так тошно.

— Переживаешь, что твоя Тонечка без тебя похудеет?

Тонечкой ее мужа, Антона Белкина, называли еще со студенческих времен. Лига всегда расстраивалась, когда слышала это прозвище. Было в нем что-то уничижительное, а это несправедливо. Особенно теперь, когда Антон стал солидным человеком, преподавателем, защитил диссертацию.

— Миш, ну хватит. Антон все понимает и не возражает.

Хотелось бы верить.

— Ладно, Белка. Поезжай к сестренке. Прижми бедолагу к груди. А еще лучше сразу возьми козла за рога и верни в стойло! Хотя что я говорю! Где тебе! Ты же у нас нежная! Ажурная!

— Скажи еще — гламурная.

— До этого дело не дошло. Ты — девушка тонкая и хрупкая. А гламурные — они цепкие, наглые и циничные! В наше время чтобы гламурной быть, нужны нервы как канаты, пробивная сила и куча бабла!

Мишка говорил весело, но Лига почувствовала в его голосе неподдельную злость.

С Абрамсоном они дружили с тринадцати лет. Занимались английским у одного репети-

тора. Толстый еврейский мальчик и тощая латышская девочка. Мишка уже тогда стрекотал на английском довольно бойко, но грамматика ему не давалась ни в какую. Лига, наоборот, никак не могла преодолеть барьер и начать общаться, хотя во всем остальном преуспевала. Писала, читала, но не говорила. Мишка сразу понял, в чем ее проблема, и как-то очень быстро сумел сделать то, что оказалось не по силам маститому репетитору.

Через пару-тройку месяцев они могли болтать по-английски: сначала всего несколько минут, а к концу школы — уже часами. К тому времени Мишкин вес как-то незаметно ушел в рост, зато поперли юношеские прыщи. Девчонкам он решительно не нравился, но переживал об этом не сильно. У него была Лига, и если не знать, что она всего лишь друг, со стороны они выглядели парой. Поправиться Лиге так и не удалось, мосластые коленки и торчащие ключицы удручали, да и ростом она не вышла, зато была умненькой и начитанной. С ней Мишке было интересно и спокойно. Ей с ним, кстати, тоже. После школы друзья решили вместе поступать в один из лучших питерских университетов на отделение романо-германской филологии. Мишка поступил легко, а Лига еле пролезла по баллам. Пока ждали зачисления, он, уже зная, что его возьмут в любом случае, искусал себе все ногти — так волновался. Потом Ли-

ге пришлось забинтовывать ему палец: Мишка сгрыз ноготь до крови. Лига даже заплакала от жалости и благодарности.

Они попали в одну группу и были страшно этому рады. Все-таки вдвоем веселей. И учиться, и работать. Получив дипломы, оба поступили в аспирантуру, одновременно защитились и остались преподавать на родном факультете.

Вопрос о том, чтобы начать встречаться, никогда, к счастью, не стоял. Мишке нравился совсем другой типаж: яркие, раскованные и как раз — гламурные. На двух таких он успел жениться еще в университете. Сразу после — еще на одной, как две капли воды похожей на предшественниц. С каждой прожил не больше года. Когда Лига спрашивала, почему он снова женится на той, с кем жить невозможно по определению, Мишка отвечал, что не может отказать себе в сладком.

Сахару в самом деле было много. Даже не сахару, а патоки. Паточные глазки, паточные губки и ужимки тоже паточные. Один общий приятель как-то признался, что через полчаса общения с Мишкиной женой хочется пойти и посмотреть на нормальное человеческое лицо. Абрамсон хохотал, но, набравшись сил после очередного развода, вновь отправлялся по проторенной дорожке. Его прыщи давно канули в Лету, он научился стильно одеваться, благо у родителей водились денежки, которых они не

жалели для единственного отпрыска, и в целом выглядел вполне импозантно.

Однако три последних года у Абрамсона никого не было. Неожиданно он увлекся карьерой, зашустрил, заактивничал и довольно быстро стал заведующим кафедрой. В тридцать лет! От важности он, кажется, даже вырос на пару сантиметров и намного остепенился. Так, во всяком случае, казалось Лиге. Она было подумала горяча, что Мишка наконец пересмотрит приоритеты и сменит предпочтения. Однако до этого, похоже, далеко.

Сама она вышла замуж только в двадцать восемь. Антон Белкин, аспирант с соседнего факультета, не раз попадался ей в столовой, но внимания на нее не обращал. Несколько раз они даже обедали за одним столиком, однако общения не получилось. Белкин, тыкая вилкой в тарелку, все время смотрел в телефон, а Лига просто проглатывала свой салат, выпивала чай и убегала на лекцию. У нее всегда была большая нагрузка, своя и чужая, если просили. А просили часто. Как-то очень быстро коллеги догадались, что патологическая доброта — основной диагноз молодой сотрудницы, и стали пользоваться этим без зазрения совести.

Честно говоря, после двадцати пяти Лига решила, что останется старой девой. Примеров в академической среде было более чем достаточно. Да и на горизонте не маячило ни одной ма-

ло-мальски подходящей кандидатуры. Однако тут внезапно снова обозначился Антон Белкин, хороший мальчик из хорошей семьи. Они наконец-то познакомились, точнее, их познакомили. На преподавательской вечеринке в честь начала учебного года Света Лисина подвела к ней парня, представила и сразу же ушла. Помявшись немного, Антон предложил сходить за шампанским. Лига шампанское не любила, но от смущения с готовностью кивнула. Она думала, что это только повод от нее отвязаться, но Антон принес и шампанское, и пирожные на бумажной тарелочке, и даже салфетки. Лига умилилась. Он, правда, так и не вспомнил их совместные обеды в университетской столовой, но это было уже не важно.

Почувствовав, что за ней ухаживают, Лига вдохновилась. Не то чтобы до Антона этого не случалось, но на сей раз все было иначе. Лига поняла, что за ней не просто ухаживают, а делают это с конкретной целью. За полгода они сумели пройти все необходимые стадии, а когда наконец переспали в загородном отельчике после ее дня рождения, все решилось очень быстро. Утром Антон, поцеловав ее в плечико, сделал предложение. Вечером в присутствии его родителей преподнес букетик и кольцо в малиновой бархатной коробочке, и дело было сделано. Еще через два месяца они поженились и зажили вдвоем в квартире на Литовском про-

спекте, которая досталась Лиге после смерти родителей.

Свой брак Лига считала на редкость удачным, поэтому на Мишкины выкрутасы смотрела несколько свысока, снисходительно. Ну пусть мальчик погуляет! Рано или поздно остепенится, и у него тоже все будет замечательно!

Услышав в голосе друга раздражение и злость, Лига занервничала.

— Сейчас же признавайся, что случилось!

— Ты о чем? — старательно удивился Абрамсон.

— Не прикидывайся. Я тебя знаю как облу-
пленного.

— Отстань, а? Сейчас не об этом.

— И об этом тоже. Как я могу уехать, если у тебя неприятности!

— А если скажу, ты что, останешься? — сразу сделал заход Мишка.

— Еще чего! Я тебя с собой заберу!

Он фыркнул:

— Багажом, что ли? Как говорится, чучелом или тушкой?

— Да как придется. Не увиливай, Миш. Ты же знаешь, я не отстану.

— Да уж знаю, хомяк ты липучий.

Мишка вздохнул и наконец нехотя признался, что последняя по счету паточная жена, с которой он не так давно развелся, объявила ему войну. У нее что-то не складывалось после

расставания с Абрамсоном, и она решила, что, поскольку во всем виноват бывший муж, надо потребовать с него достойную компенсацию. Вовремя выяснилось, что имплантат в левой груди сдулся, губы в результате пластики стали кривиться набок, а в животе после липосакции стало подозрительно булькать. Дама наняла пройдошистого адвоката, и они вдвоем насели на бедного Мишку. Сумма компенсации, по их расчетам, выходила астрономическая, но это было еще не все. К счету прилагались вполне конкретные угрозы. Дело пахло не только мордобоем, но и членовредительством, вплоть до разрезания Мишки на части и запихивания их в мусорный бак.

Поначалу Мишка все воспринял несерьезно, справедливо полагая, что к женским манипуляциям по улучшению себя любимых никакого отношения не имеет, но очень скоро состоялся первый показательный раунд. Вечером практически возле дома его отмузила пара отморожков. Не так чтобы сильно, но Мишка был впечатлен.

С той поры он пребывал в тяжких раздумьях по поводу того, как ему поступить. А счетчик между тем тикал. Через неделю срок, установленный бывшей, истекал, а затем нужно было готовиться к продолжению банкета.

— Ужас! — ахнула Лига, выслушав скорбную повесть о загнанном зайце по имени Мишка.

— Да ладно, не квакай! — попробовал храбриться тот. — Все обойдется. Все равно у меня таких денег не было, нет и, к счастью, не будет.

Лига потрясенно молчала. А вдруг угрозы бывшей совсем не блеф!

— Мишка! — вдруг крикнула она в трубку и оглянулась.

Оказывается, муж во время разговора маячил у нее за спиной. Ее кофе он благополучно допил и догрыз сушки. Ему очень хотелось сходиться за новой порцией «хлебобулочных изделий», как он любил именовать хлеб, благо сушки еще не кончились, но он боялся потерять нить разговора, который жена вела со своим дружкой. Абрамсона Антон терпеть не мог.

— Антон, извини, пожалуйста.

Лига сделала умоляюще-виноватое лицо и торопливо пошла в сторону спальни. Закрыв за собой дверь, она быстро сказала:

— Я знаю, кто нам поможет. И не спорь!

Мишка, которому особенно понравилось местоимение «нам», спорить и не думал. Впервые столкнувшись с шантажом и вымогательством, он в самом деле испугался. Вообще-то он считал себя довольно ушлым малым, третьим калачом и все такое. Но до своей бывшей, очередной по счету, жены ему оказалось далеко.

— Чего ты там еще придумала, мышь полевая?

— У отца друг работает в Следственном комитете. По-моему, на какой-то большой должности.

— Твой отец уже пять лет как умер. Этот друг о нем и думать забыл. Станет он твоими делами заниматься! Тем более что они не твои, а мои.

— Этот станет. И ничего он не забыл! Они с отцом воевали вместе.

— Уверена?

— Абсолютно. Значит, так. Я попробую с ним связаться и договориться о встрече. Жди моего звонка и сиди... Ты где сейчас?

— Дома, — грустно выдавил большой любитель ходить по ресторанам и прочим увеселительным заведениям.

— Вот там и сиди. Все.

Лига нашла нужный номер и решительно набрала. Она боялась, что ей не ответят, но после второго звонка услышала сердитый, как ей показалось, голос:

— Полковник Звягинцев. Слушаю.

— Дядя Толя, то есть Анатолий Иванович, это Лига! Я дочка...

— Привет, дочка! А я как раз сегодня думал: куда это ты подевалась! Не звонишь, не заходишь!

Голос сразу стал мягким. Лига перевела дух и заторопилась:

— Анатолий Иванович! Я...

— Для тебя я по-прежнему дядя Толя!

— Хорошо! То есть да, конечно! Я звоню по делу, вообще-то! Мне помощь нужна!

— Что случилось? Неужели серьезные проблемы?

Голос в телефоне стал напряженным.

— Даже очень! Только не у меня, а у моего друга! Его шантажируют и деньги вымогают! Уже побили и грозятся в мусорный бак выкинуть!

— Понятно, — сказал голос и неожиданно спросил: — Хороший друг-то?

— Очень хороший! Лучший!

— Тогда вот что. Хватай своего друга и привози ко мне. Часика через полтора. Адрес помнишь?

— Рабочий или домашний?

— Рабочий, конечно. Время детское. Нас дома еще и не ждут.

Лига покосилась на часы, стоявшие на тумбочке у кровати. Девять вечера почти. Ничего себе, детское!

— Поняла, дядя Толя. Спасибо огромное!

— Пока не за что. Жду.

Лига засунула телефон в карман джинсов и полезла в шкаф за свитером. Майские ночи в Питере холодные.

— Ты куда?

Антон открыл дверь спальни и встал в проеме. Лига набрала воздуху и выпалила:

— Антоша, прости, любимый, но мне нужно съездить по делам. Я ненадолго.

— Какие могут быть дела ночью?

— Я тебе потом расскажу, ладно?

Она посмотрела умоляюще, но он не дал себя разжалобить: повернулся и молча ушел на кухню. С виноватым видом Лига потрусилась следом. Когда он вот так, без объяснений, поворачивался и уходил, она сразу пугалась. Теперь целую неделю будет дуться, не отвечать на ее вопросы и игнорировать все попытки примирения. Она будет подлизываться, ластиться, просить прощения. Он будет холоден, неумолим и строг. Лучше бы разозлился и накричал, пригрозил никуда не пустить. Так нет! Будет молчать, как рыба об лед!

— Любимый, поверь, это очень важно! Ну, пожалуйста!

Лига обняла мужа и прижалась к его обиженной спине. Он отбросил ее руки, подошел к холодильнику и, открыв дверцу, стал изучать содержимое. Смотреть было совершенно не на что. Со вчерашнего дня в холодильнике — только пакет молока и пара банок: с маринованными огурцами и непонятной смесью «Закуска по-итальянски», которую он сам зачем-то купил в супермаркете полгода назад, да так и не решился открыть. То, что в холодильнике нечем поживиться, разозлило его еще больше. Антон наконец повернулся и уставился на жену. Она

подумала, что муж даст ей возможность объясниться, и затанула с новой силой:

— Антоша, дорогой, пойми, это очень важно и очень срочно. Я должна...

Он не дал ей закончить. Выпучив глаза и высоко подняв брови, как делал всегда, когда его гнев достигал апогея, Антон заорал:

— Должна?! Кому ты должна?! Дружку своему?! Абрамсончику?! Дела?! Знаю я, какие у вас дела!

Лига оскорбилась:

— Антон, ты что, с ума сошел? Зачем ты так?

— А как?! — надал он. — С какой стати ты срываешься ночью и куда-то мчишься?! Ради него?! Ради меня ты так не срываешься! Ради меня ты и пальцем не пошевелинешь! В холодильникемышь повесилась, а ты на свидание мчишься?

Это было просто кошмарно, ужасающе несправедливо, и у Лиги немедленно брызнули слезы. Она не собиралась реветь, но слезы всегда действовали по своему усмотрению. Вот и сейчас они сперва разлетелись почему-то в разные стороны, а потом потекли струйками по щекам. Нос мгновенно разбух, к слезам прибавились сопли. Ужас просто!

— И не пытайся меня разжалобить! Я тебе не лох деревенский!

При чем тут лох, особенно деревенский, Лига не поняла и снова потянулась к мужу.

— Антоша...

Он отбежал от нее за стол.

— Не лезь ко мне! Ты меня оскорбила!

— Да чем? Чем?

На этот вопрос он ответа не приготовил, поэтому крикнул:

— Всем! — И выбежал из кухни.

Лига кинулась в шкафчик за салфетками, высморкалась, вытерла слезы и поплелась было вслед за мужем, но на полпути остановилась и присела на спинку дивана. Ну что за день такой невезучий! Проблемы сестры, проблемы Мишки, проблемы с мужем! И все сразу! И все ей на голову! И все неразрешимые и безнадежные!

В плену трагических раздумий она еще немного посидела, прислушиваясь к звукам в спальне, где затаился обиженный и оскорбленный муж, но все же заставила себя встать и направиться к входной двери. Мишка ждет. Ему нужна ее помощь. Себе она помочь уже не сможет. Но другу помочь должна.

ШАГИ В СТОРОНУ

С дороги она позвонила Абрамсону и велела забрать ее у метро. Мишка жил недалеко, у площади Восстания, поэтому приехал довольно быстро. Опустив стекло, он высунул из машины кудлатую голову и помахал рукой:

— Я тут! Прыгай!

Она села рядом. Мишка потянулся и чмокнул в щеку. Веселые семитские глаза блестели. Что-то не похож он на страдальца. Хотя вон синяк на щеке и царапина за ухом.

— Ты чего, как лягушка препарированная? — спросил Мишка, взглядевшись в ее лицо.

Она отвернулась, и он сразу догадался:

— С Тонечкой своей поругалась?

Лига обозлилась:

— Прекрати его так называть!

— Да его все так называют!

— Ну и что! А ты не называй!

— Ну хорошо, — примирительно сказал Мишка, разворачиваясь на кольце, — скажи тогда, куда мы едем и что нам дадут.

— Мы едем за помощью к папиному другу, и, надеюсь, нам ничего не дадут. Ни срок, ни просто по башке, — пытаюсь успокоиться, ответила Лига.

— Уверена, что смогут помочь?

— Мне — нет, тебе — да.

— Так, значит, пооссорилась все-таки. Из-за меня?

— Нет.

— Вот только не надо мне врать! Я тебя, гусыня перепончатая, знаю наизусть, как клятву пионера!

Лига перестала шмыгать носом и посмотрела на него удивленно:

— Почему?

— Что «почему»?

— Почему перепончатая?

Мишка фыркнул и наморщил рыхлый еврейский нос.

— Ты что, не в курсе? У гусей на лапах перепонки. Ну, чтобы в воде плавать.

— И как это связано со мной? — продолжала допытываться она.

— Да никак, черт! Чего ты привязалась? Лучше скажи, где тут припарковаться можно?

Лига посмотрела в окно. Быстро они приехали.

— Встану, где придется, — не дождавшись ее ответа, решил Абрамсон и зарулил на стоянку с табличкой «Только для служебных машин».

Они вылезли каждый со своей стороны и задрали головы, оглядывая здание.

— Вот что у нас умеют, так это народ дурить. Посмотришь на этот милый особнячок и представишь себе литературный салон или музей какого-нибудь дворянского быта. Зайдешь, не подумав, а тебя цап-царап! Не успел по сторонам оглядеться, а тебе уже дело сшили.

Лига молча кивнула и пошла к двери. Мишка посмотрел на унылую спину и покачал головой. Бедная Белка! Все-то на тебе ездят, как на гужевой лошади! Или правильно — на тягловой? Латышская упряжная, вот она кто. Существует в единственном экземпляре. Тонечка, хомяк мелкотравчатый, совсем ее заездил, а теперь еще и он сам, лось сохатый, сел подруге на шею со своими проблемами и попылил! Мишка потряс головой и, забежав вперед, открыл перед Лигой тяжелую дверь.

Они дошли до проходной и оттуда позвонили Звягинцеву. Пока им выписывали пропуска, Лига все катала свои невеселые мысли. Как она сможет уехать теперь, когда отношения с Антоном ужасно испорчены? Она же с ума сойдет в этой Межотне!

— Проходите, — сказал дежурный, нажимая кнопку.

Они поднялись на третий этаж и по гулкому коридору добрались до кабинета полковника Звягинцева.

Анатолий Иванович сидел за столом и разговаривал сразу по двум телефонам.

— Да, да, конечно, все понятно, хорошо, нет, так не пойдет, ничего не понял, как так, не удалось? — говорил он, поворачивая губы то в одну, то в другую сторону.

Увидев оробевших молодых людей, он кивнул им, показав глазами на стулья у стола, и, продолжая вертеть губами, проговорил еще минут пять. Потом положил обе трубки и сразу взял третью:

— Зайди ко мне, Костя.

Через секунду в кабинете появился молодой мужчина в форме и вытянулся перед Звягинцевым во фрунт.

— Не проверяющие, не бойся. Это как раз потерпевшие.

Мужчина сразу расслабился, вопросительно посмотрел на полковника и сел.

— Давай послушаем, что у них за проблемы, и постараемся помочь.

Слушали внимательно. Молодой, которого им так и не представили, что-то пару раз черкнул на маленьком листочке бумаги, который вынул из кармана. Выслушав до конца, он снова вопросительно взглянул на начальника и слегка пожал плечами.

Лига решила, что сейчас им откажут, и взяла Мишку за локоть.

— Ну что ж, — сказал Анатолий Иванович.

Молодой неторопливо убрал бумажку в карман.

— Все понятно, как дважды два. Дело это не совсем по нашему профилю и не нашего масштаба, но мы вам, Михаил, поможем.

Зазвонил телефон. Полковник Звягинцев поднял трубку и приложил ее к уху.

— Капитан Мальцев этим займется немедленно, потому как проблема не терпит отлагательств. Правильно я понял? — спросил он, слушая, что говорят по телефону.

Они кивнули, как китайские болванчики.

— А мне что делать? — решился спросить Абрамсон, незаметно вытирая о штаны вспотевшие руки.

— А вам лучше отправиться домой и пару дней побыть там. Никуда не ходить, никому не звонить.

— А как я узнаю, что... ну...

— Мы вам сообщим, — неожиданно низким бархатным голосом сказал не произнесший до этого ни слова капитан Мальцев.

Мишка и Лига посмотрели на него, словно только что увидели. Звягинцев прищурился и взглядом отпустил капитана. Тот молча поднялся и вышел. Интересный народ работает в След-